

Ю. М. ШОР,

профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук

О ДУХОВНОЙ И ПСИХИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКЕ ЛИЧНОСТИ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ

В постановке проблемы интеллигентности нельзя не отметить некоторой абстрактности. Что такое интеллигент? Что такое интеллигентность? К ответам на эти вопросы можно подходить с самых разных точек зрения: социологической, психологической, исторической, социокультурной. Можно доказывать, что интеллигентность есть всеобщее свойство человека, связанное с нравственностью, духовностью, возвышенностью личности. Можно, наоборот, изображать интеллигентность как российское социально-историческое явление, имеющее свои конкрет-

ные черты и особенности, достоинства и недостатки.

Перспективным представляется анализ самого феномена интеллигентности и, в частности, тех характеристик личности, которые часто сочетаются с интеллигентностью, составляют ее основу. Если оставить в стороне общеизвестные факторы, возникают достаточно необычные дополнения, которые вовсе не обязательно носят «положительный» характер. Попытаемся увидеть «обратную сторону» интеллигентской психики, не настаивая на ее незаменимости.

Интеллигентская природа человека не ограничивается внешними проявлениями, набором неких формальных определений. Интеллигентность — внутреннее качество. Либо оно есть, либо его нет. Интеллигентская психика бывает связана с повышенной чувствительностью, восприимчивостью, тонкостью. Например, Антон Чехов, убежденный в несомненной одаренности своего четырехлетнего племянника (гениального русского актера Михаила Чехова), отмечал его «нервность и интеллигентность».

Чуткость к нравственности поступков, обостренное чувство вины (черты, как правило, присущие интеллигенту) не может не граничить с тонкостью, трепетностью, даже болезненностью. Психика такого рода склонна не столько к прагматичности и деловитости, сколько к пониманию жизни как переживания. Сочувствие, соболезнование, «печалование о других» (Н. Бердяев) связаны с чрезвычайной восприимчивостью, ранимостью, «болящей душой», открытостью миру. Все эти свойства амбивалентны, но без них невозможно искреннее равнодушие к окружающему. Трудно представить себе жизнь Марины Цветаевой, непонятно, как можно существовать с такой душой, когда внутри все болит, а снаружи все задевает и ранит.

Конечно, глубина и яркость переживания напрямую связаны с типом индивидуальности. Болезненными страхами, депрессивными состояниями была наполнена душевная жизнь великого русского актера Михаила Чехова. Невозможно отрицать, что степень его перевоплощения, мощь художественного выражения напрямую зависела от этих свойств его личности. Ибо само перевоплощение предполагает гибкость, подвижность, способность к разноликости, а значит, и способность к сопричастности, к реальному пониманию другого человека и вживанию в него.

Психика — это своеобразная «прокладка» между человеком и миром, способ «встраивания» себя в окружающую реальность. Такое встраивание оказывается тем динамичнее и гибче, чем тоньше очерчивает контуры самой жизни. Иными словами, чем богаче, тоньше и разнообразнее психическая жизнь, чем больше наполнена она оттенками и полутонами, тем больше она склонна к болезненности.

Конечно, степень патологичности имеет границы, за которыми наступает разрушение индивидуальности. Показательный пример — немецкий философ Фридрих Ницше, сначала достигший величайших духовных прозрений, а потом погрузившийся в пучину безумия.

С такой тонкой, ранимой, склонной к тяжелым переживаниям психикой трудно, порой невыносимо жить. Но весь вопрос в том,

что мы понимаем под жизнью — череду поступков, дел, событий или душевно-духовное существование. Художнику ближе последний вариант. В этом плане характерно такое культурно-историческое явление, как романтизм, который культивирует переживание, эстетическое созерцание. Для романтической психики жить означает переживать, т. е. постигать, вбирать, впитывать все оттенки, запахи и краски бытия, во всех состояниях «быть у себя дома».

Великий датский мыслитель Серен Кьеркегор пребывал «в страхе и трепете». Только особенности его личности позволили ему воочию увидеть экзистенциальные аспекты реальности, лицом к лицу встретиться с Ничто. Только тот, кто по-настоящему владеет опытом переживания Страха, способен передать его понимание другим. Кьеркегору удалось показать сложность и противоречивость человека. Изображение интеллигента идиллическими красками не затрагивает реальной проблематичности человеческого существования. Первостепенную роль для поэтического самочувствия Блока также играли особенности его индивидуальности, унаследованные от родителей депрессии, мистические состояния, черные провалы настроений. Сила блоковской поэзии, мощь его художественных прозрений, ощущение жизни как бездонной и бесконечной тайны, постижение загадки женщины — разве все это не оттуда?

Интеллигентскому сознанию присущи именно те черты, которыми В. И. Ленин характеризовал «либеральную», «мелкобуржуазную» интеллигенцию: противоречивость и неустойчивость сознания, скептицизм и колебания, чередование гуманистических, прогрессистских и примиренчески консервативных настроений, переплетение демократичности и элитарности и т. д.

В самом деле, сомнения и колебания проистекают от сложности и противоречивости жизни. Далеко не всегда ясно, какую позицию следует занять, решение неизменно принимается при заведомо неполной информации, и зачастую совсем не очевидно, надо ли действовать вообще. Перефразируя известную поговорку «семь раз отмерь, один раз отрежь», можно сказать, что интеллигент склонен семьдесят семь раз отмерить, но так ни разу и не отрезать. Ибо жизнь включает в себя две основные формы существования — действие и созерцание. Гамлетовский вопрос «Быть или не быть?» может и вовсе не иметь ответа.

Проблема творчества, безусловно, связана с психологией интеллигентности. Следует всерьез задуматься над общеизвестным фактом, что многие выдающиеся и даже гениальные деятели культуры (прежде всего

художники) были душевнобольными или полубольными людьми. Среди них можно назвать В. Ван Гога, М. Врубеля, Э. Мунка, Н. Гоголя, Ш. Бодлера, М. Пруста, А. Белого. Выходящая за пределы нормы болезненная психика нередко становится основой для творчества или сопутствующим условием для него. Именно творец лучше всего знаком со сложностью, противоречивостью и катастрофичностью внутренней жизни.

Как бы ни страдало односторонностью и «перекосами» учение З. Фрейда, он прав в одном: творчество совершается в глубинных слоях человеческой личности, оно вступает в

сложные отношения с особенностями психики, с механизмами влечений и торможений, оно реально взаимодействует с патологическими склонностями. Творчество помогает «уходить» от болезненности, от невроза. Но болезненность также «помогает» творчеству, что прекрасно показал Р. Б. Хайкин¹. Психическое расстройство способно в определенной мере снимать блокировки и зажимы. Но ведь и творческий процесс только тогда продуктивен, когда он свободно протекает по собственным неизведанным законам, когда он совершается в пространстве внутренне раскрепощенного сознания.